

КНИГА МЕРТВЫХ И ЖИВЫХ

автор

Евгений Семченко

Евгений Семченко

Книга мертвых и живых

«Автор»

2026

Семченко Е.

Книга мертвых и живых / Е. Семченко — «Автор», 2026

Сборник из 3 рассказов, где все совпадения имен и историй случайны, а может, и нет. Рассказы, где границы между живыми и мертвыми стираются, оставляя читателя с вопросом: достаточно ли просто дышать, чтобы быть живым?

© Семченко Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Девять	5
Сучка	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Евгений Семченко

Книга мертвых и живых

Девять

Такие дни бывают только раз в жизни. Веню выносили с девятого этажа. Утром думали, что справятся лифтом. Подтащили к кабине, прикинули углы, уперлись в стенки. Лифт победил. Гроб остался снаружи, люди внутри себя.

Снизу пахло щами. Сверху пахло валерьянкой. На лестнице пахло чужими куртками и вечной штукатуркой. Мужики взялись за ручки, подняли. Кто-то сказал «раз-два». Кто-то сказал «держи ровно». Мама Вени стояла в дверях и молчала. Отец стоял рядом и тоже молчал. В их молчании помещалась вся семья, вся коммуналка, весь этот подъезд и весь Веня целиком, хотя Веня помещался плохо. Гроб качнулся. Пошли вниз.

На девятом собрались те, кто живет рядом, и те, кто живет новостями. Две соседки с телефонами уже снимали. Мужик в майке «Спартак» держал пакет с одноразовыми стаканчиками и выглядел человеком, который готов к любому празднику, даже к похоронам.

Кто-то шепнул:

– Кто он вообще был, Веня?

Вопрос вышел грубым, но честным. Венино лицо в памяти у всех было разным. У мамы одно. У бывших другое. У соседей третье. У участкового четвертое. Сложить не получалось. Люди пытались.

Тетя Галя с девятого сказала:

– Он у нас парень тихий. Нормальный.

Ей ответили:

– Тихий не значит понятный.

Отец Вени посмотрел на лестницу и сказал:

– Понесли.

И понесли.

На восьмом остановились у окна. Руки уже ныли. Ремни давили. Дышали часто. У гроба стояла тетя Лена, местная главная по всему: по лифту, по мусору, по совести.

Она сказала:

– А завещания то задолжал.

Все переглянулись. Кто-то усмехнулся. Кто-то покашлял.

– Он всем обещал, – продолжила тетя Лена. – Мне говорил: «Лен, я тебе завещаю сервис».

Я ему говорю: «Веня, у тебя сервиса нет». Он говорит: «Будет».

Парень у стены спросил:

– А мне он что задолжал?

Тетя Лена смерила его взглядом:

– Тебе молчание. Пользуйся.

Из подъезда донеслось:

– Давайте по сто грамм. За упокой.

Мама Вени сказала:

– Не здесь.

Ее не слышали. Стаканчики пошли по рукам. Закуски пока не было, но люди уже строили планы. Планы в подъезде строятся легко. Исполняются плохо.

– Понесли, – сказал отец.

На седьмом выскочила женщина с яркой помадой и мокрыми глазами. Ее звали Света, но здесь ее звали «Светач», потому что все и обо всем знала.

– Я с Веней в садик ходила, – сказала она. – Он там был... хороший.

Слово «хороший» прозвучало ультимативно. Ни деталей, ни доказательств. Просто штамп, который ставят на жизнь, когда нет времени разбираться.

Света продолжила:

– Он всегда всем уступал качели. И кашу доедал за других.

Сосед снизу хмыкнул:

– Доедал, значит.

Кто-то подал второй круг стаканчиков. Появилась еще бутылка. Неизвестно, откуда. Подъезд умеет доставать бутылки.

Один из несущих вытер лоб и сказал:

– Слушайте, надо подмогу. Мы так до первого не дотянем.

Тетя Лена кивнула:

– Пошлите пацана за подмогой. И в магазин. Без закуски это не дело.

Пацан нашелся сразу. Худой, в капюшоне. Лицо взрослое, глаза пустые. Он стоял рядом с мамой с пятого этажа.

Мама сказала:

– Витя, сходи.

Пацан кивнул и ушел вниз. Слишком спокойно.

Шестой этаж встретил их школьными историями. Тут жил физрук на пенсии, бывший Вени. Он выглядел человеком, который всю жизнь свистел и сейчас не знает, куда деть свисток.

– Веня у меня бегал, – сказал физрук. – Не быстро. Зато честно.

– Честно бегал, – уточнил кто-то.

– Без халтуры, – ответил физрук. – Не прогуливал.

Смеяться опять было неудобно. Смех все равно пришел. Тихий, короткий. В подъезде он звучит отдельно, без лица.

Кто-то из толпы сказал:

– А помните, он в восьмом классе дневник потерял? Потом нашли у завуча.

Физрук махнул рукой:

– Дневник дело житейское. У него другое было.

– Что другое? – спросили.

Физрук пожал плечами:

– Не знаю. В глазах было.

Тетя Лена сказала:

– В глазах у всех что-то. В делах смотреть надо.

Стаканчики пошли снова. Один мужик уже начал наливать щедро, не экономя. Закуски все еще не было.

На пятом гроб поставили у батареи. Батарея была горячая. Руки были холодные.

Тут появился Стас. Лицо уверенное. Куртка новая. Голос громкий.

– Веня мой кореш был, – сказал Стас. – Мы с ним в универе учились. Он мне... много помогал.

Мама Вени подняла глаза:

– Я вас не помню.

Стас улыбнулся:

– Я не к вам, я к Венечке. Царствие.

Тетя Лена наклонилась к соседке:

– Этот «кореш» у Вени деньги брал на бизнес. «Кофейня у метро». Кофейня не открылась, Стас открылся.

Стас услышал половину и добавил громче:

– Веня был человек широкий. Душа. Всех угощал.

Кто-то сказал:

– Угощал, значит.

Стас сделал вид, что не слышит. Он подошел к бутылке и первым потянулся за стаканчиком. Нахалюву выпить он умел без диплома.

Один из несущих вдруг скривился:

– Спину тянет.

Сказал это шепотом, но слышали все. Спина в подъезде всегда коллективная. Сразу нашлись советы, мази, «у меня было».

– Подмога нужна срочно, – повторил он.

На четвертом лестница стала шире, люди стали громче. Тут уже подъехали родственники. По лестнице поднимались двое: тетка из Подольска и двоюродный брат, которого никто не видел десять лет.

Тетка сразу взяла инициативу:

– Что вы тут устроили? Почему без венка? Где машина? Кто ответственный?

Ей показали на лифт. Лифт стоял молча и не оправдывался.

Брат подошел к гробу, постучал по крышке и сказал:

– Веня всегда любил эффект.

Мама Вени дернулась:

– Не надо.

Тетка с Подольска сказала:

– Надо. Умер человек. Значит, порядок.

Она достала пакет с бутербродами. В подъезде разом стало легче. Люди любят порядок, особенно съедобный.

Стас уже жевал и рассказывал:

– Веня мне один раз жизнь спас. Я в общаге...

Тетя Лена перебила:

– Стас, не ври. Тут дети.

Стас обиделся:

– Я не вру. Я просто... вспоминаю.

На третьем появился Витя. Тот самый парень в капюшоне. В руках пакет. В пакете две бутылки, хлеб, колбаса, огурцы и что-то сладкое.

Он положил пакет на подоконник и сказал без эмоций:

– Держите.

Его мама, соседка с пятого, всхлипнула и взяла его за рукав:

– Витенька, иди сюда.

Витя не пошел. Стоял отдельно. Смотрел на гроб так, будто видел не смерть, а проблему.

Тетя из Подольска спросила:

– А это кто?

Соседка с пятого вытерла глаза:

– Это мой сын.

В толпе кто-то шепнул:

– На Веню похож.

Соседка резко сказала:

– Не начинайте.

Тетя Лена, которая начинала обычно сама, вдруг промолчала. Потом тихо сказала, не глядя ни на кого:

– Веня не любил ответственность. Но она его любила.

Витя поднял взгляд на маму:

– Пойдем домой.

Мама сказала:

– Я не могу.

Витя кивнул:

– Тогда я пойду.

И ушел вниз. Быстро, уверенно. Его спина не сомневалась.

На втором уже никто не делал вид, что это достойные проводы. Это стало подъездным застольем. Стаканчики сменились рюмками, кто-то принес из квартиры. Бутерброды исчезали с тем темпом, с которым исчезают обещания.

Отец Вени сказал:

– Хватит пить. Несем дальше.

Ему ответили:

– Дай людям проститься.

Проститься означало поговорить, выпить, вспомнить и иногда договориться о чем-то своем. У смерти есть странный эффект: она снимает маски, а потом тут же возвращает их обратно, только сидят они криво.

Стас сказал:

– Веня мечтал о свободе.

Тетя Лена спросила:

– От кого? От долгов?

Кто-то засмеялся слишком громко. Кому-то стало плохо, но он держался, потому что стыдно падать в чужой траур.

Мужик, который потянул спину, уже сидел на ступеньке и командовал:

– Держите ровно. Не дергайте.

На первом этаже входная дверь хлопала, сквозняк резал шею. Появились двое парней, которых «позвали на подмогу». Они были трезвые, злые и с правильными руками.

– Где гроб? – спросили они.

– Вот, – показали.

Парни взялись, подняли легко и сразу сказали то, чего никто не говорил:

– Легкий.

Все замолчали.

Отец Вени посмотрел на них:

– Вы что несете?

Парень повторил:

– Легкий. Пустой, что ли?

Мама Вени побледнела. Тетка из Подольска тут же включила режим порядка:

– Открывайте. Немедленно.

Отец Вени стоял секунду. Потом взялся за крышку. Замки щелкнули. Крышка поднялась. Гроб был пустой.

Пустой. Только шарф, который кто-то положил сверху, съехал внутрь и лег на дно.

У кого-то выпала рюмка. У кого-то выпало лицо. У тети Лены выпало слово, и она сказала первое, что пришло в голову, а точнее ее бескостный язык:

– Завещания задолжал. И похороны тоже.

Мама Вени села на ступеньку. Отец Вени стоял, держал крышку и не мог понять, на что злиться. На сына, на подъезд, на себя, на лифт.

Стас быстро сделал шаг назад:

– Я ничего не знаю. Я пришел проститься.

Тетя из Подольска закричала:

– Это уголовщина!

А соседка с пятого вдруг сказала очень тихо, но ее услышали:

– Витя... Витя знал.

Все повернулись к лестнице, но Вити уже не было. Как и Вени. Его не было и раньше. Просто заметили сейчас.

Сучка

16:34

Наземный переход пахнет сразу всем, что в городе считается воздухом: мокрым бетоном, сахарной ватой из детства, чужими сигаретами и электричеством проводов из светлого завтра. Какой-то парень влетает туда, как в запасной выход из собственной биографии. Запыхавшись, он оглядывается, а за ним бегут тени его же решений.

Он присаживается на пол, прямо на холодную плитку. Сумка падает глухо. Он дергает молнию резко, нервно, будто надеется расстегнуть не ткань, а сам день.

Заглядывает внутрь. И после долгой внимательной паузы говорит тихо, почти ласково, так ругаются на котенка:

– Вот же сучка...

Слова растворяются в городском шуме. Переход живет своей жизнью: кто-то шелкает семечки, кто-то торопится на работу, чтобы потом жаловаться на нее до пенсии. Парень закрывает сумку. Потом открывает снова, надеясь, что реальность постыдится и подменит содержимое. Не подменяет.

Он встает и идет дальше. Шаги у него получаются рваными, как чужая совесть: то догоняют, то отстают.

10:04

Варя тащит пакет с мусором. Черный пакет, черный день, черные мысли. Во дворе на лавочке сидят пожилые соседи, как две закладки в одной книге: Анатолий Павлович и Валентина Ивановна. Они держатся за руки, а кажется, что упираются локтями.

Рядом, на поводке, собака. Старая, маленькая, вся из собственных вздохов. Бежит за мячом нехотя, как человек, который бежит нехотя. Возвращается с мячом и отдаёт его с выражением: «Берите, раз вам так надо».

Варя кивает:

– Анатолий Павлович, Валентина Ивановна, добрый день. Гуляете?

Старик улыбается той улыбкой, где присутствуют и зубы, и философия:

– Гуляем всюду. Пока ноги помнят, куда.

Варя бросает мусор в контейнер. Пакет падает внутрь с тем же звуком, что и ее отношения неделю назад: окончательно и без поворотников. Она идет обратно медленно, даёт себе шанс не возвращаться в квартиру, где каждый предмет умеет говорить голосом прошлого.

Соседи держатся за руки. Варя ловит себя на том, что смотрит на них как на редкую породу птиц. Внутри у нее живет бездна. Тихая, глубокая, шуршащая. Шуршит тем чувством, когда несёшь его и знаешь: внутри уже что-то испортилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.